

Гришин Я.Я.,
доктор исторических наук, профессор
Grishin Y.Y.
Doctor of Historical Sciences, Professor

Галиуллин М.З.,
кандидат исторических наук, доцент
Galiullin M.Z.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Туманин В.Е.,
кандидат исторических наук, доцент
Tumanin V.E.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

**Сентябрьская катастрофа 1939 года и ее истоки.
(по страницам документов) Часть I.**

**The catastrophe of September 1939, and its origins.
(pages of documents) Part I.**

Аннотация

В 2019 г. исполняется восемьдесят лет со дня начала Второй мировой войны и германской агрессии против Польши. Эти события вызывали и вызывают большой интерес. Они являются полем различных и порою диаметрально противоположных интерпретаций, полемики об истоках сентябрьской трагедии.

В польских и зарубежных средствах массовой информации особо поднимается вопрос о польско-советских отношениях, причем в искаженном виде. Истоки и обстоятельства агрессии рейха против Польши, позиция ее западных союзников, которые вопреки обязательствам бросили ее на произвол судьбы, вопросы ответственности польского правительства и санационного лагеря за внешнюю политику, отбрасывающих мысль о примирении с СССР даже в период смертельной опасности для народа – все

это, как правило, задвигается в дальний угол, сознательно умалчивается либо искажается в ходе полемики. При этом проявляется забывчивость и игнорирование исторических документов большой важности, хотя многие из них уже давно опубликованы в различных странах. Это касается и польско-германских отношений в тридцатые годы XX века.

Ключевые слова:

история, международные отношения, региональные исследования, СССР, Польша, санация, Ю. Бек, Мюнхенская конференция, аншлюс, Судетская область.

Summary

In 2019 marks 80 years since the beginning of the Second World war and the German aggression against Poland. These events have caused great interest. They are a field of different and often distinctive interpretations, polemics about the origins of the September tragedy.

In the Polish and foreign media, the issue of Polish-Soviet relations is particularly raised, and in a distorted form. The origins and circumstances of the Reich's aggression against Poland, the position of its Western allies, who, despite their obligations, left it to its own devices, the issues of responsibility of the Polish government and the sanation camp for foreign policy, discarding the idea of reconciliation with the Soviet Union even in a period of mortal danger to the people – all this, as a rule, moves to the far corner, is deliberately concealed or distorted during the polemic. At the same time, forgetfulness and disregard of historical documents of great importance are manifested, although many of them have long been published in various countries. This also applies to Polish-German relations in the 30s of the XX century.

Keywords:

history, international relations, regional studies, Soviet Union, Poland, rehabilitation, J. Beck, Munich conference, the Anschluss, Sudetenland

Обращает на себя внимание тот факт, что часть исследователей выдает себя за первопроходцев в изучении межвоенной истории Польши. В том числе периода 1938-1939 гг., сознательно или по недомыслию игнорируют достижения историографии времен Польской Народной Республики и ее ярких представителей, таких как Х. Батовский, М. Войцеховский, Е. Козеньский, К. Лаптер, С. Микулич, Р. Назаревич, С. Станиславска, О. Терлецкий и др.

Следовательно, есть необходимость напомнить события восьмидесятилетней давности, опираясь в основном на документальные источники, ссылки на которые даются в примечаниях.

Как известно после прихода А. Гитлера к власти начались территориальные претензии рейха в различных направлениях, но особенно на восток.

В условиях растущего превосходства Германии, как в экономической, так и военной сферах, польское государство, значительно отставая, должно было не только усиливать обороноспособность, сопротивление и защиту, но и искать опору в других государствах, которым также угрожал рейх. Особенно Варшаве необходима была поддержка тех государств, которые могли в случае нападения оказать ей реальную помощь.

Самым эффективным средством для противников фашизма являлось заключение оборонительного союза в виде пакта о коллективной безопасности. Он действительно мог стать препятствием на пути гитлеровской агрессии, а в случае ее начала превратиться в военную коалицию. Именно в этом направлении действовал Советский Союз, предложивший, после прихода Гитлера к власти, подписать региональный договор о взаимной помощи в Европе с участием его самого, Франции,

Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии – так называемый Восточный пакт [4].

15 сентября 1934 г. по инициативе Франции 30 государств – членов Лиги наций обратились к СССР с предложением вступить в организацию. Советское руководство решило принять приглашение, исходя из необходимости использовать все возможности, чтобы помешать развязыванию войны. 18 сентября Ассамблея Лиги Наций постановила принять СССР в Лигу и предоставить ему место постоянного члена Совета организации [15, с.145-146.].

В 1935 г. Москва заключила Договоры о взаимной помощи с Францией (2 мая) и Чехословакией (16 мая) [16, с. 309-312; 333-336], создав, по сути, тройственную систему обороны.

Однако советская дипломатия, прилагавшая усилия в направлении создания коллективной защиты против агрессии, встречала сопротивление, причем не только со стороны фашистских стран, но и некоторых западных государств. Речь идет в первую очередь о Великобритании, которой не импонировала концепция создания эффективной системы коллективной безопасности. И это было не случайно. По ее расчетам германскую экспансию, а также японскую, удастся направить, в первую очередь, против Советского Союза, тем самым способствуя уничтожению единственного социалистического государства. О такой возможности свидетельствовало возникновение т.н. оси Берлин-Рим и заключение 25 ноября 1936 г. антикоминтерновского пакта между Германией и Японией [18]. 6 ноября 1937 г. к нему присоединилась Италия, 24 февраля 1939 г. – Венгрия и марионеточное государство Маньчжоу Го, 27 марта 1939 г. – франкистская Испания. Пакт был направлен против Советского Союза.

Несмотря на ускоренные реилитаризацию и вооружение фашистской Германии, ее стремление к ревизии границ и присоединение Австрии (аншлюс), итальянскую агрессию против Абиссинии и Албании, германскую и итальянскую интервенцию в пользу фашистского переворота в Испании –

западные державы сохраняли пассивность, противились использованию реальных санкций против агрессоров, проводили политику «невмешательства» и умиротворения.

В конечном итоге коллективный договор безопасности, который мог реально предотвратить германскую агрессию, не был подписан. В этом негативную роль сыграло тогдашнее правительство санационной Польши, в котором с 1932 г. министром иностранных дел стал полковник Ю. Бек. Именно это правительство первым в Европе подписало 26 января 1934 г. «Декларацию о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией» [5]. Свои подписи под ней поставили министр иностранных дел рейха К. Нейрат и польский посол в Берлине Ю. Липский. Этим шагом Варшава де-факто помогла Германии выйти из политической изоляции. Ю. Бек определил свою политику как стремление к «равновесию» между западным и восточным соседями Польши. Однако, по сути дела, вместо равновесия наступило постепенное сближение санационного режима с Германией и осью Берлин-Рим. Это, в частности, выразилось в отказе от участия в системе коллективной безопасности в Европе, в пассивном отношении к милитаризации Третьего рейха, в одобрении агрессии в Абиссинии и Испании и, наконец, в отношении к аншлюсу.

В феврале 1938 г. в Варшаве очередной раз находился новоиспеченный фельдмаршал, шеф германской авиации, главный агент в переговорах с Варшавой Г. Геринг. Во время встречи было уделено внимание и Австрии. По словам Ю. Бека они договорились, что поляки «не пойдут биться второй раз за Вену. Он представил германскому гостю польские интересы, касающиеся Австрии: 1) транзит; 2) экспорт в Австрию, особенно угля. Г. Геринг заявил, что это само собой разумеется. Далее Ю. Бек сказал, что присоединение Австрии к Германии является историческим процессом, который мы сами ни в коем случае не задержим. Запад, очевидно, не беспокоится об Австрии, ибо один раз уже дали ей урок во время занятия Рейнской зоны» [13].

В день, когда германские войска перешли австрийскую границу, первый заместитель Ю. Бека Я. Шембек принял английского посла Г. Кеннарда, который хотел узнать польскую позицию в связи с событиями в Австрии. Тот ответил ему, что еще рано, чтобы отдавать отчет происходящему. Впрочем, отметил он, это «событие для нас не сюрприз. По нашему мнению, аншлюс является внутренним австрийским вопросом» [7, s. 75].

Далее вице-министр был на приеме у Верховного командующего Е. Рыдз-Смиглы в присутствии премьера С. Складковского. Все трое пришли к выводу, что Польша не имеет никакого интереса, чтобы выступить против аншлюса. Новое австрийское правительство было избрано легально. Польский посол в Вене Гавроньский должен был войти в контакт с новым правительством и не должен вставать на позицию защиты старого режима [7, s. 76].

К сказанному добавим, что в это время Ю. Бек возвращался из Италии, где находился с визитом. Во время проезда через Вену он записал с хвастливым оттенком, что его со всеми подобающими почестями приветствовал новый «хозяин» Австрии А. Зейсс-Инкварт.

Занятие Варшавой такой позиции по австрийскому вопросу, по сути дела, означало согласие на нарушение сложившегося в Европе после Версаля статус-кво, на значительное расширение Третьего рейха, на поиск через это выгодного стратегического положения, облегающего экспансию в восточном и юго-восточном направлениях и прежде всего окружению Чехословакии. Ю. Бек выразил готовность участвовать на определенных условиях в акции против Праги, обозначив свою «важную заинтересованность» как «в определенном районе Чехословакии», так и «в способе возможного улаживания чешских проблем» [11, s. 5-6].

Было ясно, что захват Австрии означал взятие в клещи Чехословакии, что было началом ее конца. Беку это было на руку, но в стратегическом плане ему радоваться не следовало, так как Польша сама попадала в германские клещи. Можно предположить, что он не понимал этого. Однако

изучение документов и материалов свидетельствует, что он понимал. И в то же время Бек допустил просчет в своих прогнозах.

В ходе акции против Чехословакии дошло до координации действий правительств Германии и Польши. В беседе с польским послом в Берлине Ю. Липским А. Гитлер и Г. Геринг заверили польскую сторону в своей поддержке ее территориальных претензий. Как писал Ю. Липский, 20 сентября 1938 г. А. Гитлер заявил, что в случае конфликта Польши с Чехословакией «рейх станет на нашу сторону» [12].

В таких обстоятельствах Ю. Бек отправил 21 сентября 1938 г. ноту чехословацкому правительству с требованием возвращения Польше заользской части Тешинской Силезии, а спустя шесть дней это требование было повторено уже в категорической форме.

Данная территория была в 20-30-е годы XX в. предметом спора между Варшавой и Прагой, заселенная в основном поляками. Но при этом не следует забывать – ведь Вторая Речь Посполитая сама имела большие территории на востоке, заселенные в большинстве не поляками, добытые вооруженным, грабительским путем, без спроса о воле населения. Поднятие в 1938 г. собственно тех проблем, создавало прецедент. Речь шла о том, что требование ревизии границ со своим южным соседом «было равнозначно ответственности польского правительства за нарушение существующего статус-кво в Европе, за допуск изменения границ, сформированных после первой мировой войны, а следовательно, по сути дела, открытию также поля для территориальных уступок и в отношении самой Польши» – отмечал Рышард Назаревич [10]. В то время ее животрепещущие интересы требовали в первую очередь согласия с Чехословакией в сфере всеобщей безопасности, а не споров и конфликтов с ней на фоне территориальных претензий.

Готовность к согласию тем более высказывал чехословацкий президент Э. Бенеш, причем даже ценой территориальных уступок в пользу Польши. «Я сам, – писал он, – имею в настоящее время намерение вести переговоры,

прежде всего с Польшей, ибо падение Чехословакии означало бы вскоре и ее падение» [2].

О намерении Э. Бенеша свидетельствует разговор, который состоялся у него с премьер-министром Я. Сыровы, министром иностранных дел К. Крофты и начальником генштаба генералом Л. Крейчи.

Итогом выше обозначенной встречи явилось намерение написать письмо на имя польского президента с предложением территориальных уступок в пользу Польши. Э. Бенеш предлагал своему польскому коллеге установить дружеские отношения и новое сотрудничество между двумя странами непосредственным образом «на основе принципа ректификации границ» [3], чтобы таким образом получить хорошую основу для согласованного сотрудничества между двумя государствами.

В конечном итоге письмо, написанное 22 сентября, было отправлено в Варшаву спустя 3 дня. По мнению Х. Батовского это была серьезная тактическая ошибка. Однако если иметь в виду враждебный настрой кругов связанных с Беком в отношении чехов (и лично Ю. Бека в отношении Э. Бенеша), ранняя отправка письма едва ли бы помогла [1]. Когда британский министр иностранных дел, Е. Галифакс, обратился к польскому послу в Лондоне Е. Рачиньскому с просьбой о влиянии на Берлин в «умеренном духе», Е. Рачиньский ответил отказом, отметив, что «Чехословакия, которая отрезала Польшу от юга, является связанной союзом с нашим потенциальным врагом, Советским Союзом ...» [6].

В соответствии с советско-чехословацким договором о взаимной помощи, его претворение в жизнь зависело от исполнения Францией союзнических обязательств в отношении жертвы агрессии. Советское правительство постоянно подчеркивало, что придет на помощь Чехословакии, если оно того пожелает, даже без участия Франции. Однако практически это было невозможно из-за отсутствия общей границы СССР с Чехословакией или Германией, от которых его отделяли Румыния и Польша. Политическая позиция тех государств исключала пропуск советских военных

транспортов либо авиации через их территории для предпринятия действий против германской агрессии.

В это время Польша обострила отношения не только с Чехословакией, но и с Советским Союзом. Отношения Москвы и Варшавы вошли в критическую фазу, когда польское правительство ночью 21 сентября 1938 г. пригрозило Чехословакии вооруженной интервенцией в случае невыполнения ее требований. Советское руководство остерегалось Варшаву от нападения на Чехословакию. Заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потемкин около 4 часов утра 23 сентября пригласил к себе поверенного в делах Польши в СССР Т. Янковского и передал ему заявление советского правительства. В нем, в частности, говорилось: «Правительство СССР получило сообщение из различных источников, что войска польского правительства сосредотачиваются на границе Польши и Чехословакии, готовясь перейти означенную границу и силой занять часть территории Чехословацкой Республики. Несмотря на широкое распространение и тревожный характер этих сообщений польское правительство до сих пор их не опровергло. Правительство СССР ожидает, что такое опровержение последует незамедлительно. Тем не менее, на случай, если бы такое опровержение не последовало и если, бы в подтверждении этих событий войска Польши действительно перешли границу Чехословацкой Республики и заняли ее территорию, правительство СССР считает своевременным и необходимым предупредить правительство Польской республики, что на основании ст. 2 Пакта о ненападении, заключенного между СССР и Польшей 25 июля 1932 г. правительство СССР, ввиду совершенного Польшей акта агрессии против Чехословакии, вынуждено было бы без предупреждения денонсировать означенный договор» [17, с. 362].

Это были не пустые слова. В стране была проведена мобилизация в трех военных округах, прилегающих к западной границе, установлено прямое воздушное сообщение с Чехословакией и готовились значительные военно-воздушные силы.

О подготовке советских войск к операциям против Польши свидетельствует также М. Гамелин [8]. Как он пишет в своих мемуарах, 23 сентября 1938 г. французский генеральный штаб получил через советского военного атташе в Париже сообщение маршала К. Ворошилова о том, что СССР готов выставить против фашистских агрессоров 30 стрелковых дивизий, многочисленные танковые соединения и большую воздушную армию. Советский военный атташе сообщил М. Гамелину, что если Польша присоединится к Германии, СССР быстро выведет Польшу из конфликта.

Польская сторона вынуждена была отреагировать на демарш Советского правительства. Т. Янковский попросил у В. Потемкина принять его в этот же день в 7 часов утра. Во время встречи первый сделал нижеследующее сообщение от своего правительства:

«1. Меры, принимаемые в связи с обороной польского государства, зависят исключительно от правительства Польской республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения.

2. Правительство польской республики точно знает тексты договоров, которые оно заключило» [17, с. 364].

Как видим, ответ Варшавы был в духе Ю. Бека. Польская же пресса разразилась злобными заявлениями: «Советы и Чехия провоцируют войну».

Однако последующие события показали: советское предупреждение оказало незначительное влияние на тактику польского правительства. Его восприняли как «нормальную» трудность, которая не грозит принципиальным изменениям ситуации. Тем более оно было уверено в поддержке Германии, а также Италии и Венгрии. Кроме того Англия и Франция уже сумели склонить чехословацкое правительство к капитуляции. Последнее же не обратилось за помощью к Советскому Союзу.

Мюнхенское соглашение, подписанное 29 сентября 1938 г. предусматривало «уступку», а по существу насильственное отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области и ряда других районов. Чехословакия должна была также удовлетворить необоснованные

территориальные претензии хортистской Венгрии и санационной Польши. При этом руководители четырех держав заявили, что если требования польского и венгерского меньшинства в Чехословакии не будут выполнены в течение трех месяцев, они станут предметом новой конференции между подписантами Мюнхенского соглашения [9].

На следующий день польское правительство, в лице Ю. Бека, отправило в Прагу ультиматум, текст которого был уже предварительно согласован и одобрен на совещании в Замке, и поручило своему послу К. Папее, чтобы он вручил его еще в этот день перед полуночью. Причем Ю. Бек обосновывал это следующим образом: «...чешская нота в ответ на польскую ноту была вручена послу Речи Посполитой только в 13.00. Она нечеткая, ставит срок выполнения польских требований на время, когда окончательное решение судетской проблемы оставляет чехам свободные руки. Вследствие этого мы выдвинули ультиматум 30 сентября в 23.30, требуя до полудня 1 октября принять польские требования, а также эвакуации из Тешинского и Фрейштадского повятов в течение 10 дней. Первый район эвакуации, окрестности Тешина, которые должны быть переданы польским войскам до обеда 2 октября» [17, с. 368].

Этот ультиматум, сознательно построенный на мюнхенских решениях, содержал требования уступить три района в Силезии – Фрейштадт, Тешин и Яблунков в три приема; на карте нанесены три зоны, из которых первая должна быть передана в течение двадцати четырех часов, вторая – в следующие двадцать четыре часа, третья – через шесть дней.

Нота содержала весьма оскорбительную фразу: «в связи с рядом обстоятельств, а также в связи с тем, что польское правительство уже не может верить заявлениям, сделанным от имени Чехословацкой республики, ясно, что оно должно чувствовать себя вынужденным принять меры к осуществлению чехословацкого обещания» [19].

Той же самой ночью Ю. Бек пригласил к себе германского посла в Польше фон Х. Мольтке и обратился с просьбой о передаче его слов Гитлеру.

Ю. Бек проинформировал приглашенного об обстоятельствах высылки ультиматума в Прагу, познакомил с его содержанием, далее спросил, может ли Польша в случае вооруженного конфликта с Чехословакией рассчитывать на понимание Германии. На вопрос Х. Мольтке, начнутся ли боевые действия 1 октября в случае отвержения ультиматума Прагой, Ю. Бек ответил, что решение на сей счет еще не принято. Далее польский министр иностранных дел сообщил, что не думает, чтобы СССР выступил против Польши в случае польско-чехословацкого конфликта. Вместе с тем, он спросил: «Немцы, как добрые соседи, заняли бы в данном случае дружескую позицию». В конце беседы Бек выразил германскому правительству благодарность за лояльную трактовку польских интересов в Мюнхене, за ясную позицию рейха в польско-чехословацком конфликте.

Х. Мольтке, передавая в Берлин ход разговора с Ю. Беком, заявил от себя, что он не считает, что Ю. Бек допускал мысль об отказе от ультиматума и тем самым о вооруженном конфликте, что вследствие этого оба вопроса польского министра имели, возможно, характер только теоретический, тем не менее, Х. Мольтке считал, что в интересах дальнейшего формирования польско-немецких отношений необходим быстрый ответ рейха на поставленные вопросы.

«Эти замечания Х. Мольтке, – писал М. Войцеховский, – нам кажутся правильными. Было действительно маловероятным, чтобы Бенеш решился на войну с Польшей в день после капитуляции в важнейшем вопросе – Судетах. Малореальным было также выступление СССР против Польши в защиту Чехословакии...» [14].

Следовательно, можно утверждать, что, высылая ультиматум Праге, Ю. Бек действовал в нужном направлении, что единственно возможный результат его шагов – принятие Чехословакией польских требований.

Вместе с тем ему нужна была поддержка Берлина. Он ясно отдавал себе отчет о том, что основной успех осуществления задуманного – это согласие Германии.

Г. Геринг еще в этот же день сообщил, «что в случае осложнений с Россией Польша может рассчитывать на эффективную помощь со стороны Германии» [11, с. 11-12]. Территориальные претензии польского правительства, а затем и дальнейшие требования, на этот раз в отношении территории Словакии, он поддержал угрозой применения силы. Подписанный 30 ноября 1938 г. договор о Закопане принес Польше четыре гмины на горном пограничье, но за это она понесла важные политические потери в виде враждебности правых словацких руководителей, даже тех, которые ориентировались до сих пор на сотрудничество с Польшей.

Участие Польши в совершенном совместно с Германией и Венгрией разделе Чехословакии ее народ принял как удар «ножа в спину». Для Польши это был самоубийственный шаг с военной и политической точек зрения [10, с. 90].

Мюнхенское соглашение принципиально изменило ситуацию в Европе. В свете такого акта бесправия Лига Наций показала полностью свое бессилие. Разрушалась существовавшая до сих пор система безопасности.

Список источников и литературы

1. Batowski H. Zdrada Monachijska. Poznań, 1953. S. 143.
2. Benes E. Mnichovské dny. London, 1955. S. 76.
3. Cnudek J. Wrześniowy Kryzys Czechosłowacki 1938 r. w raportach ambasadora Lipskiego // Zeszyty Historyczne Polskiego Instytutu Spraw Międzynarodowych. Z. 7. Warszawa, 1958. Dok. XLIII-XLIV.
4. Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Series 2. Vol. 6. London, 1949-1950. P. 532.
5. Documents on German Foreign Policy 1918-1945. Series C (1933-1937). London, 1959. Vol. 2. P. 421-422.

6. Dokumenty i materiały do Historii stosunków polsko-radzieckich T. VI. Warszawa, 1967. S. 412.
7. Dziennik Szembeka. Dokument polityki sanacyjnej / Przeł. i oprac. Zygmunt Kałużyński; wstęp Stefana Arskiego. Warszawa, 1954. 109 s.
8. Gamelin M.G. Servir. Vol. 2. Le prologue du drame (1930 août 1939). Paris: Pion, 1946. P. 348, 357.
9. Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1986. S. 53-54.
10. Nazarewicz R. U źródeł tragedii wrześniowej. 1939 // Sprawy Międzynarodowe. 1984. № 9. - S. 88, 90.
11. Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1965. 836 s.
12. Sprawy Międzynarodowe. 1958. № 3. - S. 80-86.
13. Starzeński P. Trzy lata z Beckiem. Londyn: Polska Fundacja Kulturalna, 1972. 287 s.
14. Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933-1938. Poznań. 1965. S. 487.
15. Дипломатический словарь. В 3-х тт. Т. II. М.: Изд-во «Наука», 1986. 502 с.
16. Документы внешней политики СССР. Т. 18. 1 января – 31 декабря 1935 г. / Под ред. Ю. В. Борисова и др. Пред. ком. А. А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1973. 718 с.
17. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. М.: 1969. 432 с.
18. Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х годов. М.: МГИМО(У), 1997. С. 171-173.
19. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 24-25.

Reference

1. Batowski H. Zdrada Monachijska. Poznań, 1953. S. 143.
2. Benes E. Mnichovské dny. London, 1955. S. 76.
3. Cnudek J. Wrześniowy Kryzys Czechosłowacki 1938 r. w raportach ambasadora Lipskiego // Zeszyty Historyczne Polskiego Instytutu Spraw Międzynarodowych. Z. 7. Warszawa, 1958. Dok. XLIII-XLIV.
4. Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Series 2. Vol. 6. London, 1949-1950. P. 532.
5. Documents on German Foreign Policy 1918-1945. Series C (1933-1937). London, 1959. Vol. 2. P. 421-422.
6. Dokumenty i materiały do Historii stosunków polsko-radzieckich T. VI. Warszawa, 1967. S. 412.
7. Dziennik Szembeka. Dokument polityki sanacyjnej / Przeł. i oprac. Zygmunt Kałużyński; wstęp Stefana Arskiego. Warszawa, 1954. 109 s.
8. Gamelin M.G. Servir. Vol. 2. Le prologue du drame (1930 août 1939). Paris: Pion, 1946. P. 348, 357.
9. Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1986. Dok. 9. S. 53-54.
10. Nazarewicz R. U źródeł tragedii wrześniowej. 1939 // Sprawy Międzynarodowe. 1984. № 9. S. 88, 90.
11. Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej. Warszawa, 1965. – S. 5-6, 11-12.
12. Sprawy Międzynarodowe. – 1958. - № 3. – S. 80-86.
13. Stazeński P. Trzy lata z Beckiem. Londyn. 1972. S. 77.
14. Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933-1938. Poznań. 1965. S. 487.
15. Diplomatic dictionary: in 3 volumes. Volume II. Science publishing house. M.: 1986. P. 145-146.

16. Documents of foreign policy of the USSR. Vol. 18. 1 Jan — 31 Dec 1935 / ed. by Yu. V. Borisova, etc. Ancestor. A. M. Gromyko: State Policy, 1973. – S. 309-312; 333-336.
17. Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Vol. VI. M.: 1969. 432 p.
18. The world between the wars. Selected documents on the history of international relations. 1910-1940-ies. M.: MGIMO(U) 1997. - P. 171-173.
19. USSR in the struggle for peace on the eve of World War II. Documents and materials. M., 1971. - P. 24-25.